

[Рец. на: / Review of:] **М. БУРАС. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников.** М.: Индивидуум, 2019. 360 с. [M. BURAS. *Istina sushchestvuet. Zhizn' Andrey'a Zaliznyaka v rasskazakh ee uchastnikov* [The truth does exist: Andrey Zaliznyak's life recounted by its attendees]. Moscow: Individuum, 2019. 360 p.] ISBN 978-5-6042627-7-1.

Владимир Александрович Плунгян

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
plungian@iling-ran.ru

Vladimir A. Plungian

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
plungian@iling-ran.ru

DOI: 10.31857/S0373658X0008784-1

Эта книга относится к такому жанру, который редко становится объектом рецензий в научных журналах — биографии исследователей (и тем более мемуарные тексты) обычно рассчитаны на более широкую публику и проблем теории языка непосредственно не затрагивают. В данном случае, однако, исключение оправдано: Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017), о котором эта книга написана, является центральной фигурой в истории отечественной лингвистики второй половины XX века, и любые сведения о нем важны и значимы. Пожалуй, интерес к личности Зализняка — это то, что может объединить самых разных людей, от школьников, слушавших его лекции, до исследователей языка, учившихся по его работам.

Неожиданный уход А. А. Зализняка из жизни в канун Рождества 2017 года, оборвавший плотную ткань замыслов, планов и невероятно интенсивной работы, был потрясением для профессионального сообщества. Но как только он оказался по ту сторону жизни, переместившись в вечность и став достоянием истории науки, сразу стало ясно, что рано или поздно должна будет появиться его биография — подробная, с анализом всего, что было им сделано, с обсуждением разных этапов творчества, с попыткой найти его место в истории. Такая книга, безусловно, будет написана — но такие книги не пишутся по горячим следам утраты, они требуют дистанции, размышлений, анализа. Между тем потребность как-то воплотить в слова коллективную память и коллективные эмоции очень сильна именно в первый период, когда, как известно, «еще не замер смех, струятся слезы, пятно чернил не стерто со стола». И именно эту задачу и решает книга Марии Бурас, хорошо знавшей А. А. Зализняка (она училась на отделении структурной и прикладной лингвистики, где он долгие годы преподавал, и впоследствии, как и целый ряд других студентов этого поколения, продолжала тесно общаться со всей его семьей).

Решение, найденное автором книги, элегантно и эмоционально очень точно: это не биография в собственном смысле и прежде всего это никоим образом не тяжеловесно-академическое сочинение. Это и не монотонный нарратив, где звучит только голос повествователя. По жанру книга совсем другая: она представляет собой в прямом смысле слова полифонический текст, в котором звучат и переплетаются голоса **разных** людей, то вторя друг другу, то отчасти противореча, то друг друга дополняя. Замысел этой книги смел и в то же время очень прост (чем-то напоминая этим научный стиль самого Зализняка) — собрать свидетельства людей, близко знавших Зализняка в разные периоды его жизни, и расположить их в хронологическом порядке, от школьных лет до самых последних исследований и открытий. О каждом фрагменте жизни рассказывают обычно несколько человек — к счастью, свидетелей еще немало, в некоторых случаях даже заметно, что биографу приходится осуществлять нелегкий отбор, что-то оставляя за рамками повествования. Некоторые рассказчики играют особенно важную роль и сопровождают читателя

на протяжении практически всей книги (о них мы подробнее скажем чуть позже), некоторые появляются лишь в отдельных эпизодах. В результате получилась очень необычная книга: это одновременно и биография (поскольку все важнейшие эпизоды жизни Зализняка в книге так или иначе отражены), и сборник воспоминаний (но воспоминаний хорошо структурированных и отобранных); точнее, это биография, но написанная совместными усилиями многих людей.

И здесь нельзя еще раз не сказать о роли автора книги. Казалось бы, выбрав обозначенный выше жанр, автор невольно уходит в тень (и сама М. Бурас это неоднократно подчеркивает, настаивая, что она всего лишь собиратель мемуаров и инициатор интервью). Но это, конечно, далеко не так. В действительности внимательный читатель заметит, что книга выстроена по очень продуманному плану, и сам отбор фрагментов и собеседников является результатом следования определенным принципам, просто это сделано так, что автор книги умело остается за кулисами повествования. Но данная книга никоим образом не простое собрание интервью: да, это сложный полифонический текст, но это именно текст, созданный в конечном счете одним человеком. За композицией книги, порядком и структурой глав (и даже отбором заголовков: каждая глава озаглавлена какой-то характерной цитатой из входящих в нее рассказов) угадывается твердая авторская воля и тщательно взвешенные решения. Организовать все повествование и при этом скромно остаться в тени — для этого нужно незаурядное журналистское мастерство, которое автор книги проявляет в полной мере.

Отметим при этом, что научная сторона деятельности Зализняка в книге освещена сравнительно меньше «человеческой» — и автор это не раз оговаривает. Оценивать вклад Зализняка в лингвистику — дело многих специалистов и, может быть, дело будущего; здесь и сейчас в гораздо большей степени востребовано сохранение непосредственных впечатлений от его удивительной личности, детали его жизни, не оставшиеся на бумаге и не опубликованные в виде книг и статей. Именно эту задачу М. Бурас и решает в первую очередь. Впрочем, по страницам книги рассыпано и немало интереснейших подробностей, касающихся научного творчества Зализняка, которые окажутся чрезвычайно полезны его будущему научному биографу. Это и неудивительно: все-таки большинство рассказчиков — профессиональные лингвисты, некоторые из них работали рядом с Зализняком многие годы или занимались похожими научными проблемами, и в их воспоминаниях это не могло так или иначе не отразиться.

Остановимся немного подробнее на структуре и некоторых важных особенностях книги.

Книга открывается небольшим авторским предисловием, в котором излагается предыстория замысла и объяснение не вполне обычного формата книги; далее приводится полный список собеседников автора — тех, чьи рассказы и интервью (главным образом, устные, записанные и расшифрованные автором) использованы в тексте. Это ни много ни мало 27 человек — среди них друзья детства, ближайшие родственники (в том числе Анна Зализняк, дочь Андрея Анатольевича, и совсем недавно ушедшая от нас Е. В. Падучева¹), ровесники и давние коллеги, немногочисленные ученики (как известно, Зализняк сравнительно неохотно руководил студентами и аспирантами, и свидетельства тех, кто его в этом качестве знал, по-своему ценны) и, наконец, младшее поколение лингвистов, те люди, которые видели Зализняка главным образом в аудитории, приходили на его лекции, семинары и выступления для широкой публики, взаимодействовали с ним в просветительских проектах последних лет (в отличие от научного руководства и занятий административными делами, для этой части жизни Зализняк времени не жалел и считал эту деятельность для себя важной). В книге звучат голоса не только московского окружения Зализняка, но и тех, кто знал его и работал с ним во Франции и Швейцарии, двух странах, пребывание в которых наложило на личность Зализняка наиболее сильную печать.

¹ В книге использовано и очень интересное интервью матери Зализняка, Татьяны Константиновны Крапивинной (1910–2011), которое в свое время было подготовлено к печати как раз автором этой книги, Марией Бурас.

Далее следует основная часть. В начале ее приводятся основные отклики на смерть Зализняка (их в декабре 2017 и январе 2018 гг. появилось в разных изданиях довольно много), после чего повествование ведется в хронологическом порядке — от семьи и обстоятельств рождения героя до последних лет его жизни. Всего в книге более 50 маленьких главок (в среднем каждая из них занимает 3–5 страниц), которые постепенно ведут читателя от 1935 года к году 2017. (Впрочем, «постепенно» — это, может быть, не самое удачное слово: повествование читается на одном дыхании, от текста, чрезвычайно насыщенного событиями, историями, оценками буквально невозможно оторваться — сужу далеко не только по собственным впечатлениям.) Заклучает книгу очень тщательно составленная хронология основных событий жизни Зализняка, за которую все последующие биографы, безусловно, также будут благодарны автору.

Два источника играют в книге особую роль. Во-первых, это дневники самого Зализняка («Прогулки по Европе»), недавно изданные отдельной книгой; основная тема этих записей — впечатления от заграничных поездок. Как известно, первая поездка Зализняка во Францию для учебы в Высшей нормальной школе, состоявшаяся в 1956 г., была почти чудом, отразившим некоторые парадоксы ранней «оттепели» — чем во многом и объясняется подробность и красочность дневниковых записей этого первого периода; следующая длительная поездка Зализняка за границу состоялась только в 1988 г., через 30 с лишним лет — и дала начало новому циклу записей, самые примечательные фрагменты которых в книге цитируются и комментируются. (Читатели этих дневников хорошо помнят, как Зализняк посвятил несколько взволнованных страниц описанию своей первой попытки прочесть лекцию на итальянском языке; излишне говорить, что лекция была прочитана на безупречном итальянском, но едва ли не паническое волнение автора и стресс при описании подготовки к этому выступлению до сих пор действуют на впечатлительные сердца — в книге эти незабываемые фрагменты, конечно, тоже приводятся.)

Второй важнейший источник — это пространное интервью, данное Зализняком своему старшему другу, коллеге и наставнику Владимиру Андреевичу Успенскому (1930–2018), также недавно ушедшему от нас. Интервью было осуществлено по инициативе филолога-классика В. В. Файера, собиравшего данные по «устной истории» интеллектуальной жизни 1960–1980 гг.; В. А. Успенский вызвался быть посредником в организации этого интервью и провел в беседе с Зализняком много часов; разговор касался чрезвычайно широкого спектра вопросов, включая как биографические подробности, так и обсуждение сложных научных проблем. Видеозапись интервью была предоставлена Успенским в распоряжение М. Бурас, и расшифрованные ею фрагменты этого разговора цитируются во всех разделах книги. В каком-то смысле при чтении многих страниц возникает впечатление, что Зализняк рассказывает о своей жизни сам — то со страниц дневников, то подробно отвечая на парадоксальные и математически точные вопросы Успенского. Часто этот яркий материал делает свидетельства других очевидцев лишь фоном (тем более, что, как хорошо известно, почти всякие воспоминания — это во многом рассказ о себе, беспощадно высвечивающий не только достоинства, но и недостатки рассказчика), но тем многогранней, плотней и объемней становится текст книги в целом. Лично у меня (хоть и немного, но знавшего Зализняка на протяжении почти 40 лет) суждения некоторых рассказчиков по поводу отдельных эпизодов и черт характера Зализняка в каких-то случаях вызывают удивление и (запоздалое) желание возразить, но такова человеческая субъективность, видимо, неизбежная в такой теме и в таком жанре...

Таким образом, по мере того, как одна глава книги сменяет другую, мы знакомимся с семьей и детством главного героя, событиями войны и эвакуации, учебой в школе, поступлением в Московский университет (на романо-германское отделение), первой памятной поездкой в Париж, короткой аспирантурой в МГУ (прерванной из-за увольнения по политическим причинам Вяч. Вс. Иванова, бывшего научным руководителем Зализняка), началом работы в Институте славяноведения и параллельно с ней — началом преподавания на ОТиПЛ / ОСиПЛ МГУ (создание которого обдумывалось Ивановым и Успенским

совместно, но воплощать этот замысел Успенскому пришлось уже одному). Одновременно с этим повествование так или иначе затрагивает и научный путь Зализняка: его обучение основам индоевропеистики у Петерсона и Иванова, сильно повлиявшие на него лекции знаменитых французских компаративистов и структуралистов, ранние попытки инвентаризации русской морфологии в связи с необходимостью преподавания русского языка иностранцам, короткое увлечение модной в начале 1960-х гг. семиотикой, фундаментальные (и неожиданные даже на фоне бурных 60-х годов) «Русское именное словоизменение» и «Грамматический словарь русского языка», последующий постепенный поворот (после ряда важных работ по грамматической и синтаксической типологии и морфологии санскрита) к исторической проблематике, всеобъемлющие исследования по русской синхронной и исторической акцентологии и наконец — изучение берестяных грамот и древненовгородского диалекта, области, которая стала для Зализняка главной в последние десятилетия его жизни и к которой впоследствии добавились работы по истории древнерусских энклитик (и выросшее из них доказательство подлинности «Слова о полку Игореве»), а также активная просветительская деятельность, когда Зализняк с удивившим многих даже близко знавших его людей общественным темпераментом бросил вызов псевдонаучным построениям в области «любительской лингвистики» (этот деликатный эвфемизм тоже принадлежит ему). Не обойдена в книге и по-своему драматическая история открытия в 2000 г. Новгородского кодекса и попытка прочесть скрытые слои этого текста, уводящие в историю ранних христианских сект на Руси — наверное, единственная из научных работ Зализняка, не встретившая единодушного одобрения научного сообщества (включая ближайших и любимых учеников). Подробно рассказано, как в последние десятилетия жизни Зализняк работал в европейских университетах (в Париже, Экс-ан-Провансе и особенно в Женеве), пережил в 1992 г. тяжелую операцию на сердце (ставшую возможной благодаря щедрости и бескорыстию профессора Свена Густавссона из Упсальского университета и помощи славистов из многих стран), был удостоен практически всех возможных академических званий и наград (впрочем, мало изменивших его характер и образ жизни), продолжая до последнего дня преподавать и оставаясь кумиром студентов, школьников, славистов многих стран — большого и все более расширявшегося круга преданных ценителей его уникального дара научной точности и способности исчерпывающе решить назначенные им себе научные задачи. И — добавим к этому — способности видеть истину отчасти вне и за пределами тех строгих научных процедур, которые должны к ней приводить (что, может быть, и было самой поразительной составляющей его дара).

Оценка книги будет неполной, если не сказать, что она иллюстрирована заботливо подобранными прекрасными фотографиями (начиная с самых ранних), и жаль только, что их (по техническим причинам) в книгу вошло гораздо меньше, чем это было бы возможно.

Хотелось бы, чтобы эту увлекательную, насыщенную и виртуозно выстроенную книгу прочитало как можно больше людей. Хорошо, что люди, которые никогда не встречали героя этой книги в жизни, теперь смогут прочесть эти свидетельства о нем. Те же, кто встречали и помнят, — смогут благодаря этой книге вспомнить еще раз и поблагодарить судьбу за счастье быть современниками Зализняка.